

Эрика Дон

**ТОМУ, КТО ЖЕЛАЕТ,
НО НЕ МОЖЕТ
УМЕРЕТЬ**

Эрика Дон

**Тому, кто желает,
но не может умереть**

«Издательские решения»

Дон Э.

Тому, кто желает, но не может умереть / Э. Дон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858757-3

Лэнс Таллер, обвиняя себя в смерти близких, пытается покончить с собой. Но у судьбы на его счет другие планы. Таллеру и еще трем парням отведена главная роль в удержании неведомой злой силы, которая вот-вот вырвется из заточения. Лэнсу предстоит найти собратьев по пророчеству в очень короткий срок, используя лишь интуицию. Но другие избранные вовсе не готовы расставаться со своей жизнью даже во имя великой цели. Каждому предстоит пройти свой путь к пониманию неизбежности самопожертвования.

ISBN 978-5-44-858757-3

© Дон Э.

© Издательские решения

Тому, кто желает, но не может умереть

Эрика Дон

Редактор Олег Анатольевич Марковский

© Эрика Дон, 2019

ISBN 978-5-4485-8757-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– 1 –

Лэнс Таллер – высокий молодой брюнет – соскочил с последней ступеньки автобуса и остановился в нерешительности. Он вернулся домой, вернее, он хотел, чтобы так было. Отсидев семь лет в Новоорлеанской тюрьме за вооруженное ограбление, трудно было рассчитывать на тёплый приём. Его брат уже третий год занимал достаточно приличный пост в городской прокуратуре, и уголовная репутация близкого родственника вряд ли способствовала росту его карьеры.

«Может быть, мне даже двери не откроют», – подумал Лэнс и поёжился. Но в доме жила не только семья брата, но и мать. Она не сможет оттолкнуть своего пусть даже непутёвого сына. Он всё-таки решил рискнуть. После всего, что ему пришлось пережить за эти долгие семь лет, отчаянно тянуло домой. Хотелось вдохнуть полной грудью запах детства, уткнуться лицом в тёплые мамины руки, обнять брата. Его единственный друг, человек, которому он мог доверить свою жизнь, остался тихо лежать на тюремном кладбище. Так что кроме матери и брата у него на всём белом свете никого не было. Сейчас он с какой-то ясной неизбежностью осознал это.

Знакомая улица, дом, аккуратно подстриженная лужайка и, конечно же, цветы. Мама очень любила цветы. Сколько Лэнс себя помнил, она всегда высаживала на клумбах разноцветные бутончики, а в гостиной парил чуть пряный цветочный аромат. Лэнс поймал себя на мысли, что никогда не дарил матери цветов.

«Я исправлюсь, мама», – подумал он и повернул к крыльцу.

Когда зазвенел дверной колокольчик, внутри у него всё замерло. Дверь открыл мальчик лет пяти. Он с любопытством посмотрел на Лэнса снизу вверх, слегка наклонив свою кудрявую головку.

– Привет. А ты кто? – спросил он.

– Привет, – улыбнулся ему Лэнс и сел на корточки. – А ты кто?

– Я Кевин Таллер, – серьёзно ответил малыш. – Я тут живу.

– А я Лэнс Таллер и я тоже жил здесь. Стало быть, мы с тобой родственники?

– Да? – удивился мальчик и, повернувшись в гостиную, закричал: – Мам! К нам родственник приехал! – послышались торопливые шаги, и позади мальчика показалась молодая женщина.

«У брата хороший вкус», – подумал Лэнс и поднялся:

– Добрый день, – улыбнулся он молодой хозяйке.

– Добрый, – ответила та. – Вы к кому?

– Думаю, что к вам.

– Всё в порядке, Кэтти, – раздался низкий, хорошо поставленный голос. – Впустите его.

Кэтти широко открыла дверь и пропустила гостя в дом. По лестнице медленно спускался хозяин. Он был в спортивном костюме, на его плече лежало махровое полотенце. Лэнс впервые увидел брата в очках и не смог сдержать улыбку. Потом снял с плеча сумку и поставил её на пол.

– Привет, Джонатан, – сказал он.

– Привет, блудный сын. Проходи, знакомься, это Кэтти, это Кевин. А это мой непутёвый брат – Лэнс. Прошу любить и жаловать.

Повисла пауза. Мальчик прижался к ногам матери, а Кэтти смотрела на Лэнса, слегка прищурившись.

– Ну, любить, предположим, необязательно, – Лэнс огляделся. Всё здесь было так и не так одновременно. Наверное, он просто подзабыл свой дом.

– Твоя комната в твоём распоряжении, – сказал брат.

– Спасибо, Джонни. А мама дома?

– Мама? – Джонатан подошёл к столику и взял сигареты. – Я же писал тебе о ней.

– Писал? Я ничего не получал, – Лэнс почувствовал неприятное ощущение в желудке. Он перевёл взволнованный взгляд на Кэтти, а та, в свою очередь, на мужа.

– Она умерла, – тихо ответил брат. – Два года назад. Я писал тебе.

– Мне никто ничего не передавал.

– В вашем санатории не принято сообщать неприятные вести?

– Как же так? Она... болела? – Лэнс с трудом подбирал слова.

– А что, не было причин для недомоганий? – голос брата приобрёл металлический оттенок.

– Джо, не надо, – попробовала вмешаться Кэтти.

– Не надо? – Лэнсу казалось, что голос брата режет его мозг, словно скальпель. – Пусть слушает, излюбленное, избалованное чадо! Если бы он хоть раз вспомнил о ней, она была бы жива! Она была бы с нами и радовалась бы внуку! Она заслужила это, черт тебя возьми! А ты убил ее своим скотским поведением!

– Джонатан, так нельзя, – женщина присела перед сынишкой. – Иди в свою комнату, сынок.

Мальчик кивнул и побежал прочь из гостиной.

– А так обращаться с родной матерью можно?! Пропадать годами, а потом сесть в тюрьму со всякой падалью!

Джонатан потушил сигарету и отошёл к окну. В комнате повисла напряженная тишина.

– Ты прав, – тихо сказал Лэнс. – Я рад, что ты был рядом с мамой до последнего её дня. Она всегда гордилась тобой. Не надо было мне приезжать. Я не знал, что ее нет, – он взял сумку и перебрал её через плечо. – Извините.

Лэнс повернулся к двери, но остановился. Он слышал, как всхлипнула хозяйка, и почувствовал, что запершило в горле. Медленно обернувшись, он посмотрел в мокрые глаза Кэтти, потом в спину Джонатана.

– Ты можешь послать меня, имеешь право, но я ведь не всегда был ублюдком. Когда-то мы были семьёй. Правда, давно. Я не мог не прийти. Хотя бы для того, чтобы сказать, что у меня кроме вас никого нет. Извините ещё раз.

Он открыл дверь, и летний зной обжег легкие. Лэнс почувствовал, что трудно дышать. Большая ладонь брата легла ему на плечо.

– Постой, – голос хозяина стал тише и мягче. Лэнс обернулся и встретился с глазами Джонатана. – Я погорячился. Просто, накопело.

– Я понимаю.

– Мама всегда ждала тебя. Она очень боялась умереть, не дождавшись. Увы, так и вышло. Лэнс сглотнул подошедший к горлу комок.

– Твоя комната в твоём распоряжении, – повторил брат. – Правильно сделал, что приехал.

– 2 —

В этот день они поехали на кладбище. Джонатан вёл машину, Кэтти сидела рядом с мужем. Лэнс и маленький Кевин пытались починить игрушечный самолёт, который отказывался летать. Как позже вспоминал Лэнс, эти два дня, проведённые в родительском доме, были самыми счастливыми в его жизни. Истосковавшись по родному очагу и простому человеческому общению, он с жадностью впитывал в себя тепло родственных чувств. Кэтти была просто потрясающей. Таллеру казалось, что они знакомы целую вечность. Джонатан обещал подыскать ему работу, и Лэнс окончательно поверил, что всё страшное и жестокое осталось далеко, за высокими и надёжными воротами новоорлеанской тюрьмы. Единственное, что омрачало его жизнь, так это отсутствие матери. Он так хотел принести ей цветы, и кто бы мог подумать, что первый и единственный букет он принесёт на её могилу.

– Ну, все, готов твой самолет, – улыбнулся Лэнс и протянул мальчику игрушку.

– Да ты авиатехник! – воскликнул тот. – И теперь он полетит?

– Конечно.

– Когда я вырасту, то стану летчиком, – важно заявил Кевин. – И полечу в жаркие страны.

– Ты что, мерзнешь здесь, старичок? – засмеялся Таллер.

Кэтти повернулась к ним с переднего сиденья и взлохматила малышу кудрявую шевелюру:

– Просто он мечтает увидеть тропические леса.

– Тропические леса?

– Да. У него дома все книжки про тропические леса.

– С картинками?

– С картинками, – ответил мальчик. – В тропических лесах столько всего необычного!

– Например? – подзадорил его Лэнс.

Глаза мальчика загорелись:

– Тебе интересно?

– Конечно.

– Тогда я тебе расскажу. В этих лесах очень много разных диких птиц: птица-носорог, бананоед, а главное, удивительная птица – медоуказчик.

– Медоуказчик? Это что за птица?

– Это птичка, которая не боится пчелиных жал и показывает другим птицам – в каких дуплах живут дикие пчелы.

Лэнс удивленно поднял брови. А Кевин постучал ручкой по плечу отца:

– Я правильно говорю, папа?

– Да, сынок, все верно.

– Никогда о такой не слышал, – честно признался Лэнс.

– А еще там очень много разных пальм.

– Ну, пальмы и у нас есть.

– Нет, таких нет. В тропических лесах растет самое длинное дерево в мире, только оно ползучее и колючее, хотя тоже пальма. Оно называется Ротунг.

– Ротанг, – поправил сына Джонатан.

– Да. Ротанг, – кивнул мальчик. – Оно висит на других пальмах и тянется метров на триста!

– Ничего себе, – Таллер даже присвистнул. – Да ты настоящий профессор по тропикам! Он обнял Кевина и прижал к себе.

– Тебе не летчиком надо быть, а ученым.

– Тогда я стану ученым. Но у меня будет свой самолет для экспедиций. Полетишь со мной?

- Непременно. Если возьмешь.
- Возьму, – серьезно ответил малыш.

На кладбище было чисто и очень тихо. Аккуратно подстриженные лужайки, маленькие букетики возле белых мраморных плит. Они постояли немного молча.

– Я хотел бы побыть с ней, – осторожно попросил Лэнс брата. – Один.

– Хорошо, я понимаю, – кивнул тот. – Мы можем подождать тебя в кафе, здесь недалеко, прямо по шоссе минут пятнадцать ходьбы.

– Да, это было бы здорово. Спасибо.

Джонатан, Кэтти и малыш пошли к машине, а Лэнс остался. Он просидел несколько долгих минут, словно не находя слов, только положил цветы и гладил пальцами холодный мраморный уголок плиты.

– Прости меня, мама, – наконец, выдал он. – Прости, что не успел сказать тебе, что ты лучшая из матерей. Я принёс тебе столько боли. Мне так хотелось увидеть тебя.

Голос дрогнул, а в глазах защипало от слез.

– Прости меня, если сможешь. Я обязательно сделаю что-нибудь хорошее. Ты ещё будешь гордиться мной, я тебе обещаю. Я смогу. Рядом Джонни, Кевин. У тебя замечательный внук, мам. Мы все очень любим тебя. Ты всегда будешь с нами, – он наклонился к плите, мрамор холодом обжег его сухие горячие губы.

Лэнс медленно шёл по шоссе в глубокой задумчивости и вздрогнул, услышав за спиной надрывный вой полицейской сирены. За одной машиной пронеслась вторая, третья, промчалась карета «скорой помощи» и пожарная. Сердце его забилося чаще, кровь застучала в висках.

«Джонни», – эта мысль на секунду парализовала мозг, Лэнс побежал. Он уже отчетливо видел полицейское оцепление, остановившиеся на дороге машины, вышедших поглазеть на аварию зевак. То, что он увидел дальше, было чудовищным. Кадиллак брата был в огне, ещё пара машин горела рядом. Один автомобиль лежал колёсами вверх и от этого выглядел ужасающе беспомощным. Пока Таллер пробирался сквозь толпу, машины потушили, и теперь они черными скелетами говорили о дорожной трагедии.

– Простите, сэр, сюда нельзя, – чьи-то пальцы схватили Лэнса за рукав. Он остановился, в немом оцеплении, глядя, как пытаются открыть дверцы машины, как достают жертв катастрофы: два обгоревших тела взрослых и одно совсем маленькое. У Таллера всё поплыло перед глазами. Голоса слились в один монотонный гул. Слова одного из офицеров вернули ему способность двигаться.

– Я знаю эту машину. Это кадиллак прокурора Таллера. Очевидно, ехал куда-то с семьёй.

– У него родные есть? – спросил другой полицейский.

– Нет. Его мать умерла. У жены, кажется, есть мать. Жаль, хороший мужик был!

Лэнс почувствовал, как внутри всё сжимается, словно грудь его заковали в стальные тиски.

«Их больше нет. Никого нет. Всё кончено!»

– 3 —

Он не помнил, как заехал в эту глушь и где взял машину. Голова кружилась от избытка выпитого, но он упорно сжимал бутылку виски одной рукой, а другой пытался управлять автомобилем. Деревья стали попадаться всё чаще, и вскоре Лэнс очутился в настоящем лесу.

– Что за чёрт! Где это я? – пьяным голосом проговорил он и остановил машину, едва не врезавшись в мощный ствол дерева. Вокруг было тихо, только где-то поодаль «ухал» филин. Не выключая фар, Таллер вышел из машины и стал всматриваться в темноту. Вокруг него плотным кольцом стояли деревья.

– А дорога где? – удивился он.

Не смотря на июнь, ночь выдалась прохладной, и Лэнс невольно поёжился.

«Придётся торчать здесь до утра», – подумал он и тут в свете фар разглядел небольшой деревянный домик, похожий на дом лесничего. Недолго думая, Таллер направился к нему. Дверь оказалась незапертой, но, очевидно, давно никем не открывалась.

– Эй, есть тут кто? – спросил он, не ожидая ответа. Потом щелкнул зажигалкой и увидел на маленьком деревянном столике керосиновую лампу. Создав сносное освещение, Лэнс осмотрелся. Срубленный стол, длинная лавка, две полки на дощатой стене и старый потертый диван – вот и весь интерьер. Воздух в домике был спертый. Таллер хотел было вернуться обратно к машине, как разглядел на полке какой-то предмет. Он привлек его внимание металлическим блеском. Лэнс подошел ближе. Это был магнум. Таллер взял в руки оружие. Рядом с пистолетом лежала коробка с патронами. Он захватил и ее, затем сел на диван и стал рассматривать свою находку. Оружие уже было заряжено, причем находилось в отличном состоянии, в этом он понимал. Парень отхлебнул еще виски. Холод ночи быстро выгонял из организма хмель, и события прошедшего дня вновь вставали перед его мысленным взором: понимающие глаза брата, улыбающаяся Кэтти, увлеченно рассказывающий про свою мечту Кевин. Обгоревшие машины. Обгоревшие тела.

«Господи, неужели это все было?» – он закрыл глаза. Ведь он только начинал жить по-человечески. Он думал, что судьба улыбнулась ему, а она всего лишь показала ему зубы. Она забрала у него всех, кого он любил. Забрала их страшно, быстро, всех!

– У тебя больше никого нет, – проговорил Лэнс и, увидев, что виски тоже нет, отшвырнул пустую бутылку. Она покатилась по полу, нарушив тишину ночи.

– Ты никому не нужен на этом свете, – продолжал он вслух, и голос казался ему совершенно чужим. – Они слишком тепло приняли тебя. Ты не заслужил такого счастья. Тебе нельзя никого любить. Они бы жили, если бы не ты. Они погибли из-за тебя! – последняя мысль почти отрезвила его. – Если бы я не захотел побыть один, они бы остались. Если бы мы вообще не поехали сегодня на кладбище, если бы меня прирезали в этой вонючей тюрьме, то может они были бы сейчас живы! И они были бы счастливы! Во всем виноват я! Я и моя проклятая жизнь! Я не смогу с этим жить, – и тут он ясно представил себе все, что хочет сделать. Так ясно, словно он уже делал подобное раньше. Выход был один, и он был безумно прост. И не нужно будет больше винить себя. Взять и все закончить одним выстрелом. Его рука, подносившая оружие к виску, даже не дрожала. Наоборот, он почувствовал облегчение. Лэнс закрыл глаза. Холодный металл прикоснулся к виску. Палец плавно нажал на спусковой крючок. Только в душе что-то оборвалось.

– 4 –

Раздался щелчок, выстрела не последовало. Осечка. Таллер провел языком по губам. Они были горячие и сухие. Он перевел дыхание и снова нажал на спуск. Снова осечка. Казалось, что злой рок просто издевается над его израненной душой. Лэнс открыл глаза и направил оружие на стену. Выстрел громким эхом прокатился по лесу. Таллер даже вздрогнул от неожиданности. Он снова поднес пистолет к виску. Рука начала нервно дрожать. Пальцы не слушались.

«Давай, трус, покончи с этим», – он обхватил оружие двумя руками и уперся дулом себе в лоб. Снова осечка. Лэнс почувствовал, как дрожит всем телом. Он закричал и стал стрелять по стенам. Лес наполнился звучным грохотом, как сумасшедшие кричали разбуженные птицы. Наконец, патроны кончились. Таллер, бросив оружие на пол, обхватил голову руками и зарыдал. Он плакал, как ребенок, от бессилия и страха.

Лэнс не знал, сколько прошло времени. Понемногу успокоившись, он вытер мокрые глаза и увидел, что выстрелом сбил полку со стены. На ее месте, между досками, что-то белело. Таллер встал и потянул за белый уголок бумаги. Это было похоже на письмо. Машинально

он подошел к столу и подвинул к себе лампу. Бумага была старой, пожелтевшей от времени. На свернутом вчетверо листке было написано: «Тому, кто желает, но не может умереть».

— 5 —

Вот что было написано в этом странном письме, раз и навсегда изменившем жизнь Лэнса Таллера:

«Я — Алан Кох — запечатываю зло силой четырех стихий июня 28 года 1747 сроком на 250 лет. Полностью и навечно запечатать зло могут четверо, пожелавшие отдать свою плоть, но не душу. Когда тот, кто желает, но не может умереть (сила земли), тот, кто родился из пены (сила воды), дьявол с голосом ангела (сила воздуха) и не сгоревший, но сжигающий (сила огня) объединятся в месте святого Франциска и отдадут плоть свою добровольно во спасение миллионов душ человеческих в старом костёле проклятого поселка, зло будет запечатано на веки. Помилуй, Всевышний, души несчастных обреченных — жителей проклятого места».

— Что за бред? — проговорил Лэнс. Прямо под текстом была карта. В одном месте на ней стоял жирный крест.

— Чертовщина какая-то, — Таллер мотнул головой, та отозвалась резкой болью. Лэнс скривился, отодвинул от себя листок и улегся на старый диван. Мысли о самоубийстве отступили. После колоссального нервного напряжения в душе было омерзительно пусто. Все произошедшее накануне казалось далеким и нереальным. Он немного повертелся с боку на бок, но виски и усталость сделали свое дело, и Лэнс провалился в тяжелый, глубокий сон.

— 6 —

Утро встретило Таллера жуткой головной болью и болезненной сухостью во рту. Он тяжело поднялся и пошел к машине. К счастью, на заднем сидении валялась банка пива. Он открыл ее и жадно влил в горло прохладную горькую жидкость. Немного полегчало. Лэнс уже собрался ехать, но вспомнил про оружие. Он вернулся в дом, подобрал с пола магнум, взял коробку с патронами. Его взгляд остановился на письме.

— Вот черт! А я думал, мне это все приснилось, — вслух подумал он, затем свернул пожелтевший листок и сунул его в карман.

Первый, кому Таллер показал странную карту, был работник бензозаправочной станции.

— Знаю это место, — резво отозвался он. — Только нет там ничего, деревья одни.

— Как мне туда доехать? — спросил Лэнс, смутно осознавая, что он, собственно, собирается там делать.

Парень очень толково обрисовал ему маршрут. Поблагодарив его и заполнив бак бензином, Таллер сел за руль и отправился на поиски места, на котором «ничего нет».

Проехав километров пять, он свернул с шоссе. Дальше дорога петляла по невысоким холмам. Он все время сверялся с картой, а, въезжая на последний холм, подумал: «Сейчас посмотрю с него вниз и, если там одни деревья, будем считать, что меня здорово разыграли». Но вопреки ожиданиям, Лэнс увидел небольшой поселок.

— Вот тебе и нет ничего, — сказал он и направил машину вниз по покатому склону. Въехав через большие деревянные ворота, Таллер привлек внимание местных ребятишек. Они с криками и свистом бросились за автомобилем. Дома были старые, одноэтажные, мрачные. Две женщины, закутанные в темные одежды, увидев машину, быстро спрятались в одном из домов. Весь этот поселок напоминал собой странную декорацию.

— Может здесь кино снимают? — вслух подумал Лэнс и остановился возле самого большого двухэтажного дома. Только он захлопнул дверцы, как детвора плотным кольцом окружила шевроле. Они пищали, толкались, трогали гладкую поверхность руками, а один из ребят попытался забраться на крышу.

– Ну-ка, не баловаться! – прикрикнул Таллер. Ребятишки притихли и отпрянули в стороны. Лэнс вошел в приоткрытые двери дома. Деревянная стойка, полочки, занавесочки. Из внутренней двери вышла девушка. На ней было длинное платье с оборками, на голове – кружевной чепец.

– Добрый день, – пропела она.

– Добрый день, – ответил Лэнс, внимательно разглядывая девушку. – У вас здесь кино-съемка?

– Простите, что вы сказали?

– Я говорю, здесь что, фильм снимают?

По ее удивленно-простодушному лицу он понял, что ошибся.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – робко, словно извиняясь, спросила она.

– Думаю, да. Где здесь можно поесть и умыться?

На ее бледном лице появилось радостное оживление:

– Вам нужен номер?

– А это что, гостиница?

– Да, пойдемте со мной, пожалуйста, – улыбнулась она и повела Таллера вверх по лестнице на второй этаж. – Только вы, пожалуйста, не тревожьте вот этого господина, – хозяйка показала пальчиком на одну из дверей. – Он очень нервничает, когда его беспокоят.

– Да нет проблем, – ответил Лэнс. – Надеюсь, у вас в отеле есть горячий душ?

– Что? – девушка остановилась.

– Вода горячая, – медленно проговорил Таллер, пытаясь сообразить, что он говорит не так.

– А, вода! Конечно, я вам все принесу. Вот ваша комната, – она открыла одну из дверей. – Располагайтесь. Вы голодны? Сейчас будет обед.

– Благодарю, – сказал Лэнс и вошел. Комната была маленькой, но очень уютной. Кровать, тумбочка, столик. В углу за занавеской, на табуретке стоял большой таз, на крючке висело белое полотенце, а рядом стоял кувшин с водой.

– Сервис, – улыбнулся Лэнс и опустил на кровать.

Выстрел, прогремевший совсем рядом, заставил Таллера вскочить и броситься в коридор.

– 7 —

В проеме той самой двери, за которой, по словам хозяйки, жил нервный постоялец, стоял высокий парень. В руке он держал пистолет, а у его ног лежал мальчишка лет пятнадцати. Пуля вошла бедняге прямо в грудь, и теперь его мертвые глаза смотрели в потолок. Лэнс тут же достал свой магнум и направил его на незнакомца в дверях.

– Ну-ка брось на пол игрушку, – как можно спокойнее сказал он, хотя сердце заколотилось сильнее обычного. Парень, перешагнув через убитого и радостно воскликнул:

– Ты кто, братишка?!

– Стой, где стоишь, – скомандовал Таллер. – Я тебе не братишка.

– Да погоди ты, чужак! – незнакомец шагнул к Лэнсу.

– Назад. Брось пушку, я не шучу.

– Хорошо, хорошо, – он бросил оружие на пол и вскинул руки. – Все, я безопасен, не нервничай. Только смотри, чтобы мой пистолет не забрали. Там еще два патрона осталось, не дай бог он им в руки попадет.

– Кому?

– Жителям.

– Псих, – вздохнул Таллер.

– Я? – парень ударил себя кулаком в грудь. – Да я нормальнее всех в этом поселке. Ты еще не понял, куда попал?

– А куда я попал, по-твоему?

– Я уже два года пытаюсь в этом разобраться, два года я живу в этом аду. А тут ты! Такой подарок судьбы! Может, вместе что-нибудь придумаем?

– Ты зачем мальчишку убил?

– Это Томас. На днях его папаша свихнулся, теперь вот сын. Он хотел меня убить, и, наверное, не меня первого.

Теперь Лэнс заметил в руке лежащего нож, лезвие которого было изрядно выпачкано засохшей кровью.

– И что теперь будет? – спросил Таллер. – Ведь ты убил его.

– А ничего не будет. Одним жителем стало меньше, – ответил парень. – Здесь теперь каждый день кто-то кого-то убивает. Они привыкли, и никому нет до этого никакого дела.

– К этому можно привыкнуть?

– Ко всему можно привыкнуть, – грустно улыбнулся незнакомец. – Даже к виселице. Повисишь, подергаешься, да и затихнешь. Слушай, я все тебе расскажу, все, что знаю, клянусь. Только давай не будем здесь стоять. Они здесь сумасшедшие, это опасно. Поверь мне.

– Ладно. Проходи, – Лэнс пропустил парня в свою комнату, подобрал его оружие и запер за собой дверь.

– 8 —

– Лэнс Таллер, – представился он и опустился на кровать рядом с гостем.

– Стиф, – просто сказал тот и пожал протянутую ему руку.

– Ну, Стиф, а как ты оказался здесь?

– Честно говоря, не знаю. Я удирал, так, не поладил кое с кем, надо было смотаться. Свернул с дороги, попер по холмам, вдруг, бах – поселок какой-то убогий. Думаю, класс, здесь меня искать точно никто не будет, спрячусь пока. Вот и спрятался.

– Ну-ну, валяй дальше, – Лэнс достал пачку сигарет.

– Сигареты?! – Стиф даже подпрыгнул. – Угости, братишка, я уже и запах сигарет забыл!

– Ради бога, – Таллер положил пачку на стол. Стиф схватил сигарету и, прикурив, закрыл глаза от наслаждения.

– Эй, – Лэнс толкнул его локтем. – Что дальше?

– Да, сейчас. Господи, как мне курить хотелось. Спасибо, – на лице у парня было умиротворение. – А дальше, сам понимаешь, телефона нет, телека нет, сигарет и тех нет. Подумал я, что эта жизнь не по мне. Сел в машину и вперед. Ты не поверишь, бензин до капли истратил, а уехать не смог.

– Почему?

– Все время выезжаю к этому чертову поселку, в какую бы сторону не поехал. Понимаю, что звучит, как бред, но это факт. Я выезжал отсюда и всегда возвращался сюда же. Да, впрочем, здесь все бред сплошной. Народ, который проживает здесь, ничего о других городах не знает. Они тоже выходили из поселка и снова возвращались к нему же. Лабиринт какой-то. Как поселились здесь в 1747 – м году, так и живут отдельной жизнью, как сектанты. Говорят, что проклято это место.

– В каком году, говоришь, поселились?

– В 1747 —м.

Лэнс полез в карман, развернул пожелтевший лист и вздохнул:

– Да, 1747 —й. Совпадает.

– Это что? – поинтересовался Стиф.

– Да так, письмо одно. Ну, давай, все рассказывай. Все, что знаешь.

– Говорят, что у них был священник, так он предупреждал, что в 1997 —м году в тела жителей начнут вселяться демоны.

– И где этот священник?

– Умер уже.

– А что будет с теми, в кого вселятся эти демоны?

– Ну, они становятся одержимыми. Брат убивает брата, жена – мужа, мать – сына. Я бы не поверил, но уже полгода, как все это происходит. Я сам не раз видел. Жуткое зрелище, я тебе скажу.

В комнату тихонько постучали. Лэнс встал и подошел к двери.

– Кто? – спросил он и увидел, как напрягся Стиф.

– Это я, – слышался женский голос.

Таллер узнал хозяйку, кивнул парню и осторожно открыл дверь.

– Можно? – девушку явно смутило присутствие в комнате нервного постояльца. В руках она держала небольшой поднос с обедом и кувшин с горячей водой.

– Как тебя зовут, малышка? – улыбнулся ей Лэнс.

– Мария.

– Проходи, Мария. Садись.

Девушка поставила на стол поднос и кувшин, послушно опустилась на стул.

– Кроме меня и этого парня приходил еще кто-нибудь чужой в ваш поселок?

– Нет. Никогда.

– А почему тогда у вас есть гостиница? Для кого?

– Мой дедушка говорил, что нельзя ее закрывать. Должны прийти четыре человека из чужих и снять проклятие с нашего поселка.

– Чего? – Стиф сдвинул брови.

– Тихо, – Таллер выразительно посмотрел на парня. – А дедушка не говорил тебе про человека, которого звали Алан Кох?

– Ну как же, – она улыбнулась. – Это был волшебник, который запер демонов в стене старого костела. Это каждый ребенок знает.

– А где этот костел?

– Его нет давно. Одни развалины.

– Это далеко отсюда?

– Нет. Совсем рядом.

– Отведи меня туда.

– Конечно.

– Прямо сейчас.

– Конечно, – повторила Мария и встала.

– Я с вами, – Стиф тоже поднялся. – Только дай мне, ради бога, оружие.

Они шли по мрачной улице странного поселка. Лэнсу все время казалось, что он спит, и ему просто снится неприятный сон. Деревянные дома, черная земляная дорога, темные одежды на изредка попадающихся жителях. Одни искоса поглядывали на Таллера, другие шарахались от него, как от прокаженного, и тут же скрывались в проемах домов.

– Почему здесь так темно? – спросил Лэнс Марию. Та в ответ просто пожала плечами.

– Темно и жутко, – подхватил Стиф. – Во-первых, у этих первобытных нет электричества, а во-вторых, от всего этого веет какой-то неизбежностью смерти что ли.

– Ну, предположим, мы все умрем, даже если будем жить в Париже.

– Да я не об этом, – начал было Стиф.

– Теперь туда, – перебила его девушка и указала на тропу, которая выходила за пределы поселения и вела к темным руинам каменного здания.

– Ты что, разве не хочешь прогуляться с нами, крошка? – Стиф взял девушку за локоть. Она вздрогнула.

– Оставь ее, – сказал Лэнс. – Пошли. Спасибо, Мария, мы скоро вернемся.

– 9 —

Что-то зловещее было в этих развалинах. Что-то такое, что наполняло тебя непреодолимым ужасом. Таллер был далеко не из робкого десятка, но и он почувствовал не просто холод, пробежавший по спине, а почти животный страх. Он ощутил его, как дикое животное, не только органами обоняния, но и кожей.

– Может, пикничок организуем? – улыбнулся Стиф, и Лэнс понял, что парень борется со страхом по-своему.

– Что за пикник без девочек? – он улыбнулся в ответ и перешагнул через порог костела. Две стены здания полностью завалились, другие две еще держались.

– Смотри, там лестница, – Стиф указал на темный, уходящий вниз туннель.

– Надо было лампу взять, – вслух подумал Таллер, подойдя к зияющей черной дыре. – Ну что, пойдешь со мной вниз?

– Могу здесь покараулить, мало ли чего, – ответил Стиф. – Или может, за лампой сходим?

– Что, крутой мужик, струхнул?

– Кто я? А чего мне бояться? Да пошли, – Стиф отодвинул Лэнса, и первый шагнул в проем.

– Не так скоро, – остановил его Таллер, вытащил оружие, один пистолет протянул Стифу, потом щелкнул зажигалкой. – Вперед иду я.

Лестница была крутой и очень узкой. Маленькое пламя зажигалки осветило кусочек мрачно-коричневой стены, по которой стекала прозрачная жидкость. Было очень сыро и душно.

– Это что, шахта какая-то? – шепотом спросил Стиф. Дышал он шумно и тяжело, да и Лэнс хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Зажигалка нагрелась, пальцам было больно, но погасить огонек Таллер не согласился бы ни за что.

– Кажется, пришли, – с облегчением сказал он, ступив на последнюю ступеньку.

Они вошли в просторный, мрачный зал. На одной из стен висели факелы. Лэнс очень удивился, что в такой сырости они остались пригодными. Первый же факел ярким пламенем озарил помещение. Оно было совершенно пустым, если не считать большого деревянного стола посередине.

– Лэнс, посмотри туда, – Стиф толкнул его в плечо. Таллер обернулся. На одной из стен черными тенями выделялись четыре фигуры в человеческий рост. Казалось, что их отбрасывают четыре человека, стоящие между стеной и зажженным факелом. Лэнс подошел ближе. В отличие от других стен, эта немного пульсировала. Она словно дышала, неровно, нервно, тяжело.

– Это что еще за чертовщина? – спросил Стиф.

– Не знаю, – честно ответил Таллер.

– Может, продырявим эту штуку? – парень подбросил на ладони пистолет.

– Тссс, – Лэнс приложил палец к губам, – Слышишь?

Казалось, что внутри стены кто-то слабо стонал. Вернее, это нельзя было назвать стоном человека. Это был тягучий, выворачивающий душу звук, отдаленно напоминающий стон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.